



## ЯЗЫК КАК ИНСТИНКТ

Кто решает, правильно ли мы  
говорим?





В предпоследней главе своей книги Стивен Пинкер выступает уже не как мыслитель, не как исследователь и даже не как популяризатор, а как яркий публицист с даром памфлетиста. И острее его сарказма и дискуссии касается всех, кто задается вопросом «Как правильно говорить?». Поскольку Стивен Пинкер – англоязычный автор, он полемизирует по этому поводу со своими англоязычными оппонентами. Глава книги называется: «Языковые мавены».

Мавены – это своего рода консультанты, те, кто задают правила, те, которые создают норму и следят за ней. Такие люди, действительно, нужны. И они есть. Вероятно, Пинкеру как человеку, работающему не просто в области языка, но и со словом, как автору, опубликовавшему много статей, часто приходится конфликтовать. Во-первых, с редакторами, которые следят за правильностью речи и стиля. Во-вторых, с журналистами, которые имеют обыкновение цепляться к словам или заниматься игрой в слова. Вследствие чего у Пинкера накопилось столько вопросов и незаконченной, неопубликованной полемики, что он решил включить эту достаточно объемную главу в свой труд.

В ней он «дает сдачи» всем своим оппонентам. И делает это с научной точки зрения, обосновывает и как публицист, и как социолог. Я не буду подробно говорить о содержании этой главы, потому что она для нашего читателя будет представлять интерес скорее с точки зрения английской стилистики, чем английской грамматики. Эта глава может быть полезна даже школьникам, тем, кто любит задавать вопросы своим учителям английского языка или любого другого языка. Почему нужно правильно говорить или правильно строить фразы? Почему в контрольных работах, диктантах и особенно в сочинениях часто подчеркивают, а иногда даже вычеркивают целые предложения? Мы постоянно сталкиваемся с тем, что некоторые фразы непонятны. Мы уже говорили о том, что книга Стивена Пинкера в этом отношении полезна тем, кто составляет рекламные слоганы и широкому кругу читателей. Поскольку все мы сталкиваемся с подписанием контрактов и договоров, но никогда их не читаем, в связи с чем позже у нас возникают проблемы. Поэтому вопрос «как построить правильную речь и как ее толковать» достаточно насущный для всех нас.

На вопрос «Кто решает правильно ли мы говорим?», Пинкер отвечает, что некое формализованное объединение: редакторы средств массовой информации, учителя, литературные критики и так далее. По сути, вопрос стоит так: «Считать ли нормой то, как говорят простые люди и как говорят дети? Или все-таки нам нужно приводить язык к какому-то единому стандарту, тем самым указывая огромным слоям носителей языка, как им правильно выражать свои мысли?». Этот вопрос сопровождает нас постоянно. Мы все время поправляем друг друга. Если мы говорим что-то неправильно, это вызывает у нас смех. Иногда мы это делаем специально. Это хороший источник юмора, каламбуров и так далее. Но главным остается вопрос: «Кто определяет правильность языка?».

Пинкер в своей книге (особенно в том разделе, который касается обучения детей родному языку) говорит о том, что дети с точки зрения грамматического кода говорят совершенно правильно. Они, инстинктивно усвоив логику языка, экстраполируют ее на все случаи. Даже если у них в словарном или грамматическом багаже нет готового эталона. И как только образуется эта ниша – незнание, ребенок действует по интуитивной логике.

Пуристы (и я отношусь к их числу) считают, что язык должен быть чистым. Существующий язык, на котором мы говорим, это красивый нормативный язык. И нужно стремиться к его сохранению. Потому что без сохранения эталонной структуры позитивное развитие языка мне не представляется возможным. Здесь открываются большие, широкие возможности, практически бесконечные. Но все нужно делать по уже установленным правилам. Сейчас мы наблюдаем (это касается и казахского языка, и русского), что в нормативную лексику включаются слова еще 20-30 лет назад считавшимися неприличными. И в массовой культуре уже не является зазорным вставлять в речь слова, за которые в нашем детстве шлепали по губам. Раньше на телевидении такие слова маскировали «бипперами». Сегодня этот «биппер» становится все короче и короче. Безусловно, это ведет к общему снижению уровня культуры. У человека пропадает стремление улучшить свой язык, снижается стремление быть лучше. Поэтому, я считаю, что нормативным языком является язык газет, независимо от масштаба – от центральных изданий вплоть до районной газеты. Все-таки журналисты и редакторы следят



за тем, чтобы не было ошибок. Как только они допускают неправильную фразу в эфир или в печатное издание, то для широкой аудитории это является знаком, что так говорить можно.

Здесь срабатывает принцип, о котором говорит Пинкер. Ребенок соотносит звуковой образ, который он услышал впервые, с каким-то предметом. Так формируется словарный запас. В этом вопросе я не могу поддержать Пинкера в стремлении к снятию «оков с языка», стремлении позволить нам говорить так, как мы говорим. Хотя Пинкер и сам вносит здесь некоторую ясность.

Он говорит о том, что существуют две категории языковых мовенов, которые определяют, как правильно говорить. Мовены – это лингвисты – преподаватели языков, которые разрабатывают методику обучения языка. Пинкер называет их «прескрипторами». Они предписывают, как правильно писать, как правильно говорить. Они фиксируют уже существующий язык и оборачивают его в правила. Но язык придумывают не они. Это очень важно. Они только фиксируют и стараются сохранить уже существующий багаж, существующие правила. Здесь можно возразить Пинкеру. Если он говорит о генеративной грамматике и о том, что код является устойчивым, то как раз деятельность прескрипторов языка направлена на сохранение этого языкового и грамматического кода. Представьте, что бы случилось со всей теорией Хомского и Пинкера, если бы прескрипторов не существовало? Грамматическая решетка языка перестала бы быть решеткой. Она стала бы аморфным телом, которое бы менялось. И это, в конце концов, привело бы к непониманию между людьми. Это сделало бы коммуникацию между людьми практически невозможной.

Вторая категория людей, которые работают с языком – это дескрипторы. И здесь Пинкер сразу оговаривается, что он как раз является лингвистом-дескриптором. Он описывает язык и приводит примеры не для того, чтобы закрепить неправильное произношение или неправильную грамматическую, синтаксическую структуру в предложениях. Он говорит, что описывает то, как говорят дети или как говорят люди с отклонениями, для того, чтобы показать, как работает языковой инстинкт.

Естественно, существует большая разница, когда с экранов телевизоров или со сцены выступают те, чье творчество с музыкальной точки зрения представляется весьма сомнительным, а интерес публики поддерживается только тем, что они свободно пользуются ненормативной лексикой. Я совершенно спокойно отношусь к ненормативной лексике. Иногда и мне приходится ее употреблять. Но только для анализа, для того чтобы вскрыть какие-то пласты культуры у разных социальных слоев. И я умышленно не стал говорить в тех лекциях, где это было бы уместно, о таких явлениях языка как жаргон, арготизмы. А это очень интересная тема. Бывает так, что сниженная лексика украшает, особенно в литературных произведениях. Там это уместно – показать характер персонажа, характер героя. Это оправдано. Но когда это звучит в академической среде, а у нас уже и такое случается, или в какой-то другой аудитории – это, безусловно, негативный фактор.

Еще интересный фактор – язык меняется. Язык – это живой организм. Если бы не было изменений, то мы бы говорили еще на «тюрки», или у нас вместо казахского был бы чагатайский язык, который лежит в основе современного казахского языка. Кстати, на чагатайском языке написана изрядная часть государственных документов Российской империи из архивов Ивана Грозного.

Я был на совместной конференции работников государственного архива Российской Федерации и казахстанских архивистов. Многие документы, которым около 300 лет, и они уже утратили гриф секретности, тем не менее, все еще не публикуются. На конференции открыто говорили о том, что у нас богатая совместная история, что русский и казахский народ – это два братских народа, которых связывает общая история, общая культура. Уверен, было бы очень полезно почитать документы, даже если они написаны на чагатайском языке арабским алфавитом. Но этого не происходит.

Поэтому в рамках программы «Рухани жаңғыру» для лингвистов-языковедов – это серьезный выход на новые исследования. Я думаю, что этот цикл лекций по книге «Язык как инстинкт» замыкается не только на психолингвистике, а открывает пытливному уму новые и новые исследования как раз для возрождения нашей традиционной казахской культуры и всей культуры тюркского мира в целом.



Последняя глава в книге Стивена Пинкера называется: «Язык и мышление». Как соотносится язык, будь он инстинктом, божественным даром или результатом длительной эволюции. Но то, что он влияет на мышление людей, неоспоримо. И самое интересное то, что язык влияет не на мышление отдельно взятого человека, отдельно взятой личности. Язык – это явление социальное, а не только психологическое. Это явление культурное. Понимание того, как язык формирует наше мышление, наши отношения внутри общества, наши отношения с окружающим миром стоит того, чтобы переводить книгу Стивена Пинкера на казахский язык. И, я думаю, что в этом суть и назначение нашего цикла лекций.

Попытаемся подытожить, к каким результатам приходит Стивен Пинкер и что он пытается доказать своим бестселлером «Язык как инстинкт». Это обоснование и развитие теории Наума Хомского о том, что языковая способность человека носит врожденный характер. Пинкер пытается обосновать это через эволюционную теорию Дарвина, оппонируя тому пониманию дарвинизма, которое сложилось во всем мире к концу XX века, ведь книга была опубликована в 1994 году. В результате бездумного цитирования и несерьезных исследований теория выродилась в простую цепочку, о которой мы говорили на предыдущей лекции: амеба, губка, медуза, ящерица, шимпанзе, человек. Пинкер же говорит о том, что теорию Дарвина нужно понимать не как лестницу, а как куст с ответвлениями. Не все так просто в теории эволюции человека. Говоря о генеративной грамматике, нужно сказать, что Пинкер пытался найти грамматический ген. Его подвергали критике в Америке в девяностых годах. Ни Пинкеру, ни его последователям, спустя 20 лет, так и не удалось найти убедительных аргументов в подтверждение гипотезы о том, что где-то в ДНК должен существовать ген, который передает способность человека языку. Пока это не подтверждено. Тем не менее, сама гипотеза выдвигает на новый уровень исследования и в психологии, и в нейрофизиологии, и в лингвистике.

С точки зрения обогащения языкознания как науки, книга Пинкера не привносит чего-то кардинально нового. Поскольку Пинкер больше психолог, детский психолог, он широко опирается и на теорию Гумбольдта и на теорию Фердинанда де Соссюра. Но если мы будем говорить о значении универсальной грамматики и генеративной грамматики, то не следует забывать, что основоположником революции в языкознании является Ноам Хомский, учитель Стивена Пинкера.

Именно Хомский своим трудом о синтаксических структурах языка ввел схему, дерево, направленное ветвями вниз.

Доминирующую до этого научного труда теорию языковых цепочек Хомский заменил на теорию синтагматического дерева. Это очень удобная и продуктивная схема. Понятие синтагматических групп было и до Хомского, но он показал их новую структуру. «Хомскианская революция», как ее называют, заключается именно в этом. В совокупности труды и научные исследования Хомского и Пинкера открыли новый этап и послужили тому, что зародившаяся в США и доминировавшая весь XX век бихевиористская психология была опровергнута. Она была преодолена именно этой психолингвистической теорией, теорией универсальной грамматики. Это сегодня доминирующая парадигма в гуманитарном знании человечества. Если же мы будем говорить о научных революциях, тогда нам нужно вспомнить и Томаса Куна с его теорией «научных революций». Как происходят научные революции: появляются новые идеи, которые никто не признает. Потом на их основе появляется гипотеза, которая обосновывается. Потом эта гипотеза отвергается. Потом вдруг ее все признают. Потом начинается очень плавный период в развитии научной мысли, когда появляются последователи и накапливается большой фактический материал. Появляются исследования, которые все больше подтверждают эту теорию. Потом эта теория становится научной парадигмой. Но внутри этой парадигмы рождаются новые гипотезы, которые обеспечивают следующую научную революцию. И, я думаю, что наши казахстанские слушатели, наши казахстанские ученые должны включиться в этот процесс. И, быть может, среди наших слушателей найдутся люди, которые подготовят революцию, которая опровергнет теорию Хомского. Если так случится, я буду счастлив.